

Генерал! Я вам должен сказать, что вы вроде крылатого льва при входе в некий подъезд. Ибо вас, увы, не существует вообще в природе. Нет, не то чтобы вы мертвы или же биты — вас нет в колоде.

Иосиф Бродский
«Письмо генералу Z»

Глава 1

ЗОЛОТОЙ СОЛИД

Дождь монотонно барабанил по стеклу, словно просился внутрь, в уют. Бездомный бродяга, разбойник. За темным окном радужными сполохами мерцало гигантское плазменное рекламное панно, окрашивая ночь, гранитную набережную, мост, Болотную площадь, кинотеатр «Ударник», казино то в ядовито-зеленый, то в золотушно-желтый, то в пошловато-лиловый, то в красный, как клюква. Плазменные протуберанцы, казалось, достигали противоположного берега реки, изменяя на краткую долю секунды хрестоматийные контуры стен и башен, дворца и храмов — то ревниво затеняя, то, наоборот, четко очерчивая силуэт на фоне ночного московского неба, пропитанного смогом.

Далеко на Спасской башне куранты пробили три часа. Город — огромный, многоликий спал, но кое-где еще бодрствовал, а местами уже и просыпался. По глянцевому от дождя мосту мчались редкие машины. Внизу, на набережной, словно в засаде, скучали тяжелые самосвалы. Они появлялись иногда — на всякий случай — как преграда и рубеж. Как подвижная стена на подступах к твердыне. Гула их моторов никто никогда не слышал — даже в доме напротив, сером доме на набережной, похожем на гранитный утес.

Дом в этот час был темен и тих. Освещены только подъезды да одинокое угловое окно на шестом этаже. Шторы в окне были отодвинуты, и сквозь мокрое стекло можно было смутно разглядеть просторную комнату с высоким потолком, озаренную настольной лампой на письменном столе. Пространство тонуло в сумраке — ясно видно было лишь небрежно сложенную груду отсканированных листов с какими-то таблицами и фото-снимками, ноутбук, плоский ящичек с лакированной крышкой да пустое кожаное кресло.

Рядом с лампой дымилась чашка крепчайшего кофе, в пепельнице лежала недокуренная сигарета.

Вот в сумраке заскрипел паркет. И на стол упала тень.

Человек, не спавший в этот глухой поздний час в комнате на шестом этаже, подошел к столу неровной, неуверенной походкой. У него были темные волосы с проседью на висках, крупный нос и решительный подбородок. На широком запястье мерцали швейцарские часы. Вся фигура была крупной, кряжистой, медвежьей и плохо вязалась с антикварным письменным столом карельской березы, новеньким ноутбуком и пачкой мятых распечаток. Человек опустился в кожаное кресло, потянулся к сигарете. Смотрел в окно — в ночь на потрясающую взор, чрезвычайно престижную панораму: а из нашего, из нашего, из нашего окна — площадь Красная видна...

Докурив, он потушил сигарету в старинной бронзовой пепельнице, отодвинул ноутбук и придвинул к себе плоский ящичек с лакированной крышкой. Открыл. В мягком свете лампы стала видна черная бархатная внутренность ящичка и его драгоценное содержимое: необычного вида темные и светлые, неровные золотые и серебряные кружки — древние монеты.

В этом ящичке — одном из многих — их было двенадцать. Грузный человек, не отрывая от них взора, порылся в столе и извлек еще одну пачку распечаток. Выдернул лист с какой-то таблицей. Затем пинцетом осторожно

достал из бархатного гнезда пятую в верхнем ряду золотую монету и поднес ее к глазам. Он не пользовался лупой. Прежде он даже гордился своим зрением. На монете была выбита еле разборчивая надпись по-гречески.

Человек пристально смотрел на монету, затем взгляд его снова как магнит притянуло окно. Он вперился, уперся взглядом в эту ночь, в этот дождь. Огромное рекламное панно полыхало огнем, источая ржавый тревожный цвет, похожий на дальнее зарево.

Зарево... Человек закрыл глаза. Эта монета... Золотой византийский солид седьмого века. Возможно, они держали его в руках — там, тогда... Странная вещь — память сердца. Почти такая же странная, как и память ума, память памяти...

Человек медленно разжал пальцы. Монета — золотой византийский солид — упала в бархатные недра своего хранилища. Только она была реальной, настоящей, а все остальное... Но разве не могло быть так, что они там, тогда держали ее — именно ее в своих руках? Им ведь заплатили золотом за убийства. Щедро заплатили за ту резню. И этот золотой солид мог быть той самой полновесной монетой, которой расплатились, когда все было кончено.

Человек за столом закрыл глаза. Память сердца, память ума, память памяти... Так ли это было на самом деле, как он это помнил, как представлял себе? Где-то далеко-далеко, не здесь, а там тоненький детский голос читал нараспев по-гречески. Это были не слова псалтыри, не молитва на сон грядущий. Читалось что-то светское — из Элиана, из его пестрых рассказов, лаконичное, как афоризм, и поучительное для юного ума: про Александра и его походы, про войну с персами, про смену времен года, про жестоко наказанную богами птицу-ласточку и про мышей, которые, по Элиану, щедрее других тварей наделены даром предвидения и поэтому первыми оставляют дом, обреченный погибнуть...

— В высшей степени я одобряю тех, кто уничтожает зло, едва оно народилось и не успело войти в силу, — это

было тоже прочитано по-гречески голосом постарше — юношеским, ломким. Прочитано там, тогда.

Грохот солдатских сапог, калиг, подкованных гвоздями, разорвал тишину ночи. Это было так реально! Человек за столом под лампой вздрогнул, как от удара током, распрямился. Что-то происходило с ним — сейчас он был и здесь, и там, и виной этого сумасшествия, этого раздвоения была, конечно же, авария. Да-да, та авария, перечеркнувшая всю его прежнюю жизнь. Но...

Он был здесь и видел из окна своей квартиры, в которой прожил всю жизнь, мокрый от дождя мост, машины, рекламное панно, реку, набережную, Кремль, храм и одновременно — точно вторым внутренним зрением, являвшим красочный слайд, — видел и совсем другое. Другое...

Черные кипарисы на фоне ночного неба — южного, усыпанного звездами, мраморные лестницы, спускающиеся широкими уступами, непроглядную темень дворцового сада с журчащими фонтанами. Купол храма — не этого, а другого великого храма там, на Востоке и... темный древний город, раскинувшийся на холмах по берегам Босфора. Его редкие в этот поздний час огоньки в окнах дымных харчевен, тишину пустынного ипподрома, лай собак, сторожащих сонное оцепенение улиц.

Грохот сапог. Топот солдат. Факелы, тени. Запах горячей смолы резко, нагло смешивается с терпким ароматом восточных благовоний. Кто-то с грохотом опрокидывает дымящуюся курильницу, срывает занавеси. Из мрака возникают красные пьяные лица солдат — что-то жестокое, решительное и дикое во всем их облике. Они нестройной толпой быстро идут по дворцовым залам. На мгновение огонь их факелов вырывает из тьмы дворцового атриума мраморную статую загадочной, вечно улыбающейся богини судьбы Тюхе. Ее как языческого идола вот уже лет двадцать как хотели убрать из царских покоев, заменив на статую великомученика, да все не решались, потому что предок, сам прославленный император

Константин, когда-то молился у ее подножия, поручая ее милости Константинополь.

Видно, что за этой статуей кто-то пытается укрыться, спрятаться от солдат. Маленькая детская фигурка, одетая в синий не по росту хитон. Солдаты вытаскивают прячущегося с хохотом, как зверька из укрытия. Это смуглый кудрявый ребенок — он отчаянно кричит, брыкается. В его черных глазах — животный ужас. Из соседнего зала — дворцовой спальни, той самой, мраморный пол которой украшен редкостной мозаикой, изображающей праздник сбора винограда, — доносится душераздирающий вопль. Так кричат те, которым вспарывают живот, вырывая из живой плоти внутренности. Свирепая молосская собака, вбежавшая следом за солдатами, торопливо, алчно лижет свежую кровь на полу — струйки ее текут, текут, все быстрее, все обильнее.

Человек за столом видел этого пса так отчетливо... Кажется, протяни руку туда — и коснешься его вздыбленной шерсти, оскаленных клыков. Он видел и его хозяина. Это был мальчик — тоже кудрявый и смуглый, лицом чрезвычайно похожий на того маленького, который тщетно прятался за статуей богини Тюхе и которого уже успели здесь, на этом мозаичном полу, растерзать пьяные, озверелые солдаты дворцовой стражи. Мальчик стоял в сторонке, склонив голову набок. Смотрел на солдат, на пса, на черные струйки крови, текущие из спальни. Вот одна подползла слишком близко к его ногам, обутым в изящные сандалии, и он отступил, чтобы не запачкаться. Он с любопытством смотрел туда, где, ругаясь и горляня, толпились его будущие подданные и где страшно, обреченно исходил последними криками боли умирающий человек...

Струйка крови подползла, как юркая змейка, снова, и он снова отступил. Поднял голову — его глаза, казалось, кого-то искали в темноте. И вот словно нашли того, кого искали, увидели, вперились пристально, насмешливо с недобрый вызовом...

Человек за столом, освещенный лампой, закрыл ли-

цо руками. Он не хотел видеть его глаз, его улыбки. Такой детской, такой взрослой, такой страшной. Не существовавшей никогда и нигде, кроме памяти сердца. И такой до боли знакомой.

А за окном по Каменному мосту, несмотря на проливной дождь, ехала, пыхтела, убирала, скоблила мостовую немецкая поливальная машина.

Древние монеты покойно лежали в своих бархатных гнездах. Разбуженные светом лампы, они не спали. Они многое могли порассказать этому новому незнакомому миру. Они собирались многое напомнить ему из того, что было, что когда-то с кем-то случилось на самом деле. И только потом, через века, стало похоже на чей-то ночной кошмар.

Глава 2

НЕСТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

Когда у вас адски дергает коренной зуб — белый свет не мил. И все в нем, в свете этом белом, кажется не так и не этак.

Инспектор ДПС Игорь Луков повыше поднял воротник теплой форменной куртки. Тоже мне, умники министерские, дизайнеры, форму придумали — подушка с зеленым лягушачьим жилетом. Венчает подушку фуражка. Телу жарко до пота, а уши мерзнут. И щека, пламенеющая болью, на ощупь ледышка ледышкой. Интересно, а от зубной боли помирают? Если вдруг, скажем, бац — болевой шок? Но хоть на месте коньки откинь, в медсанчасти больничного не дадут. Направят к дантисту. Хочешь, очередь сиди километровую в ведомственной поликлинике, а не хочешь — беги к платному зубодеру. Как раз полполучки у него, садиста, оставишь.

Инспектор Луков находился на очередном суточном дежурстве. Час был ночной, хоть и не глухой, но весьма поздний — 0 часов 17 минут. Местность до тошноты зна-

комая: сорок первый километр. Развилка Кукушкинского шоссе. Куку-трасса, как звали ее местные.

Луков стоял на обочине шоссе — ноги широко расставлены, правая рука заботливо согревает ноющую щеку, левая держит полосатый милицейский жезл. Только вот махать, подавать повелительные сигналы этим самым жезлом — палкой-погонялкой — некому. Пусто Кукушкинское шоссе. Ночь кругом, тишина. Тут летом Бродвей, Ривьера — московские табунами на Кукушкино озеро едут. На том берегу — кемпинг, крутой кантри-клуб и коттеджный поселок Отрадное. А осенью в ноябре, да еще в такую поганую погоду — ни души, ни зги.

Луков плотнее надвинул тесную фуражку на лоб. Ну почему так? Отчего все его ночные дежурства всегда форсмажор? Либо снег валит, либо льет как из ведра. А то еще каток — гололед, день жестянщика. И кто там в отделении такие паскудные графики составляет? Вот сегодня, например, 10 ноября — святая дата. Ребята-сослуживцы деньжат наскребли, накопили, вечером в какой-нибудь бар закатятся пиво пить, на бильярде гонять. А ты тут, как бобик проклятый, — стой, бди. А кого бди? Кто тут по Кукушкинскому из местных не пустой поедет? Местные ушлые пацаны. Секут на лету: Куку-трасса ровная, гладкая, только вот на самом интересном месте у нее стационарный пост ДПС, и там тачки шерстят, проверяют под гребенку. Так что, если ты едешь не пустой — со стволом там или с герычем, глупый ты, что ли, на шмон нарываться на стопроцентный? Поедешь в объезд — для непустого пацана семь верст не крюк.

И аварий тут мало бывает. Ну, если только кто летом из приезжих шары нальет и почудится ему, что в руках у него не родная баранка, а штурвал от «сушки». Но такие долго не живут, такие сразу в кювет улетают, головой в лобовуху. И на таком ДТП ни «Скорой» особо делать нечего, ни страховщикам. Вызывай кран, МЧС и похоронную команду. Вот слух идет, эстакаду в Шелепине будут возводить, тогда, может, и оживет Куку-трасса... А то

как-то даже совестно, вроде и не под Москвой совсем. В Москве и области дороги забиты, тыркнуться некуда — бампер к бамперу машины жмутся, как моржи на лежбище. А тут такая тишь, пустота. Скукотища!

Зуб дернуло так, что Луков стиснул челюсти. Вот зараза! И в такой-то день, зараза. В профессиональный праздник. Еще флюс, пожалуй, раздует. И будешь урод уродом, компрачикосом из книжки Гюго. Он вздохнул. Хоть бы полегло, так ведь хотелось завтра в свой кровный выходной к Маришке зайти. Интересно, папаня ее завтра будет? Братан-то точно с дружками на весь вечер улимонит, а вот папаня — сыч... И так уж намекал не раз: мол, чего к девке ходишь? Когда, мол, того... что-то конкретное у вас наметится? А чего конкретное? Ну, заберет он Маришку к себе. Ну заживут. Родит она одного, второго. И будут они жить семьей мала мала на двенадцати квадратных метрах. Своих-то ведь, родню, никуда не денешь — мать, брата, сестру.

Скорей бы уж сестра Люська замуж выходила, что ли. Все сидит в своем паспортном — он сам ее туда и устраивал, — все сидит, видно, майора или полковника себе высиживает. Принца ждет. Дождется, как же. Выходила бы вон за Пашку. Ну и что, что он только сержант? Сердце-то у него золотое. И сеструху он еще со школы любит, сам сколько раз Лукову по дружбе признавался.

Луков вспомнил сестру, приятеля и сослуживца — бесшабашного Пашку Ярмольникова — и снова вздохнул. Эхма, заедает молодость быт, бытовуха. Вон сегодня по случаю праздника на разводе приказ читали. Что ж, правильные все слова, верные, громкие, стопудовые. Повесят приказ в дежурке в виде плаката всем в назидание, и зачеты по нему замнач у личного состава начнет принимать. Во артист! Я б тоже мог зачеты принимать — Луков криво саркастически улыбнулся. А попробовал бы он тут поторчать на ветру, на холоде. В дождь, в снег, попробовал бы побегать, порулить, помахать жезлом. С водителями полаяться — ведь у нас все права качают, все умные. А на тебя инспектора ДПС глядят, как на злейшего

врага. Будто ты специально тут поставлен жизнь им осложнять. Да ради бога! Луков в сердцах рубанул полосатым жезлом воздух. Ради бога, пожалуйста. Вон на Украине, говорят, взяли и ГАИ упразднили. Арриведерчи, мол! Сначала-то в эйфорию, конечно, впали. Как же, дождались... Поездили без ГАИ, без правил, самотеком — день, два, неделю. А потом сами же волками и завыли: безобразие, беспредел, бардак. И поставили нового городского с палкой.

Справа ползла грузовая машина. Луков узнал ее — с мукомольного завода, за рулем либо дядя Вася Глухов либо его сменщик Семенов. «Если Ленька Семенов — остановлю, — подумал Луков, — он за прошлое еще нарушение мне не покаялся». Грузовик поравнялся, остановился сам. За рулем был дядя Вася Глухов:

— Привет, с праздничком!

— Здорово, дядя Вась. — Луков обошел грузовик, заглянул в пустой кузов. — Со смены?

— Домой. Чего невеселый такой?

Дядю Васю знали все на Кукушкинской трассе. И на вопросы его отвечали правдиво — такой уж был человек уважаемый.

— Да зуб болит.

— Зуб? Рано тебе с зубами-то, молодой еще. — Дядя Вася высунул из кабины седую голову. — Чем помочь-то, командир?

— Анальгина нет или тройчатки? — спросил Луков кисло.

— Есть у меня одно народное средство.

— Не пойдет. Ты смотри осторожнее с этим народным.

— Назавтра приготовил. — Дядя Вася хотел было, да так и не решился достать бутылку. — Завтра с сыном в баню пойдем париться. Выходные у меня.

— Счастливо, дядя Вась.

— И тебе счастливо.

Тронулся грузовик, загудел и растворился во тьме. И опять ночь, шоссе. Начал накрапывать дождик. Луков

сел в патрульную машину. Милицейская «семерка» стояла на обочине с выключенными фарами. И музыку не слушаешь — нельзя. Вроде и не в засаде тут сидишь, а все же заслон, пост. А пост, он тишину любит, конспирацию...

«Странно, — меланхолично думал Луков. — Тихо-то как сегодня. Как в могиле. Нудная все же пора — осень. Осень наступила, высохли цветы. На мою могилку не приходишь ты... Черт, в рифму! Вот если завтра у Маришки папаня ее снова намеки начнет делать насчет Дворца бракосочетания, так можно ему прямо в глаза сказать: расписываться в такую хмарную пору — да ни за что! Этак вся жизнь потом как осенний кисель будет. Вот дождемся с любимой весны, лета, тогда уж и...

А чего летом-то будет такого — другого? А ничего. Какие перспективы? Никаких? Жалованье, что ли, повысят на двести процентов? Или снова льготы вернут? Или, может, квартиру их с Маришкой молодой семье дадут за пять пальцев на ладони? Эх, Игореха Луков, кто тебе, Луков, что даст? Кто о тебе, инспектор ДПС, подумает? Кто позаботится? Никто. Время сейчас такое. Шкурное, собачье время. Вон по телику никого другого не ругают, боятся — а все ГАИ, гаишников. И такие они, и сякие, и уж взяточники-развзяточники и оборотни-разоборотни... А попробовали бы они сами — вот так, здесь, на дороге, с флюсом, с температурой подежурить. Попробовали бы штук шестьдесят колымаг за сутки из дорожного потока выдернуть, проверить.

Попробовали бы жизнью своей рискнуть драгоценной. Вон Пашка Ярмольников, что в Люську-сеструху влюбленный, в прошлом году зимой двух пацанов на озере спас. Не он бы — ушли бы под лед мальцы. А он в полной амуниции, в этой вот куртке-подушке, в этих вот синтепоновых портках в прорубь за ними, не раздумывая, кинулся. Сам едва не утонул, а малявок спас. Потом две недели в госпитале с воспалением легких провалялся. А они все — оборотни, взяточники...

«Я бы тоже кого-нибудь спас», — подумал Луков.

И сердце у него в груди екнуло. И даже зубная боль на мгновение отпустила, уступив место вдохновенному порыву.

Сзади послышался какой-то звук. Луков открыл дверь машины, выглянул. Вроде никого. Шоссе по-прежнему пустое. Ни одной машины. Он вылез. Кругом было темно. Внезапно звук повторился — чудной какой-то... Луков, если бы его спросили, не смог бы даже его толком описать. Шорох? Вздох?

Он достал из кармана форменной куртки фонарь. Звук доносился откуда-то сзади — из темноты. Теперь точно это был шорох — словно какое-то животное прошуршало в темноте, страшась попасться человеку на глаза.

— Эй, кто здесь? — громко спросил Луков.

Тишина.

Он включил фонарь. Пятно света скользнуло по капоту, по лобовому стеклу «семерки». Он медленно обошел машину. Темень непроглядная... Желтое пятно света вырвало из темноты куст боярышника на обочине. Дернулось вправо, влево и...

В пятне желтого света Луков увидел маленькую скорченную фигурку. От неожиданности он не поверил своим глазам — ребенок... Откуда здесь, на пустынной дороге, в такой час может взяться ребенок?

Но это был действительно ребенок — совсем маленький мальчик, лет четырех. Луков приблизился к нему. Его поразило, почти испугало лицо мальчика — бледное, застывшее.

— Эй, малыш, ты что? Откуда ты? — Луков наклонился к ребенку. Тот был неподвижен. Глаза его, казалось, ничего не выражали, кроме...

Луков ощутил странный холодок — никогда прежде ему не доводилось видеть такого странного выражения детских глаз.

— Тебя как зовут? — Луков присел, взял ребенка за плечи, с изумлением заглядывая ему в лицо.

От прикосновения мальчик словно очнулся — дер-

нулся и внезапно начал визгливо с подвыванием смеяться. Смех этот был — истерика. Он бился на руках Лукова, запрокидывая светловолосую голову, закатывая глаза. Луков крепко прижал его к себе одной рукой, другой начал нащупывать рацию — ситуация явно была нештатной, надо было доложить дежурному. Ребенок заходился истерическим смехом — и смех этот все набирал и набирал обороты, ввинчиваясь в уши. И вот уже было не разобрать — смех ли это, плач ли.

Внезапно Луков почувствовал на руках что-то липкое. Его бросило в жар. Он быстро посветил на ребенка фонарем. На нем был темный пуховый комбинезон, и весь он спереди был покрыт какими-то темными влажными пятнами. Эта влага была теперь и на руках инспектора Лукова. Он поднес ладонь к лицу. Ладонь была красной от крови.

Глава 3

С УТРА ПОРАНЬШЕ

Редкая жена после нескольких лет брака не сталкивается лоб в лоб с вечной проблемой: ночь, а мужа нет дома. И где он, голубь сизокрылый?

Катя — Екатерина Сергеевна Петровская, по мужу Кравченко — никого, никогда, нигде ждать не любила. А тут муж, своя собственность — Вадим Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А. Они с ним только-только приехали из Сочи, где были в отпуске. У Кати он еще самым приятнейшим образом длился, а у Драгоценного, увы, истекал. И вот в свой предпоследний день отпуска Драгоценный, вместо того чтобы уделить внимание любимой половине, отправился в сауну со своим закадычным другом детства Сергеем Мещерским. Они отправились париться и канули без следа.

Катя, хоть и не любила ждать, все же для Драгоцен-

ного сделала исключение — ждала, стоически терпела до одиннадцати вечера. Потом терпела до половины двенадцатого — уже со скрежетом зубным. В половине первого, меча грома и молнии, она позвонила мужу на сотый. Общалась с автоответчиком, ехидно извещавшим о том, что вы, мол, набрали правильный номер и вам непременно ответят. Но позже. Ждите!

В тридцать пять минут первого Катя, наступив на горло своей женской гордости, позвонила Мещерскому — пусть он ответит, где ее муж. Но друг детства был вообще «недоступен».

Ну сколько можно было париться в этой чертовой сауне? Сколько можно было пить?!!

А без четверти час Катя внезапно вспомнила (точнее, ей вдруг ни с того ни с сего пригрезилось в горячке ожидания), что вроде бы именно сегодня Мещерский должен был лететь ночным рейсом в Улан-Удэ. Нет, кажется, в Уфу... А что, если они после этой бани... Да нет, такое только в кино бывает под Новый год!

Часы пробили час ночи. Сердце Кати от тревоги екнуло и шмякнулось в пятки. Заскулило там брошенным щенком. Скукожилось, стало маленьким-маленьким, злым-презлым. В два часа ночи это маленькое злое сердце стало требовать расправы и мести. «Ну, приди, ну, только явись, — шептала Катя, пиная ни в чем не повинные диванные подушки, жителей кресел — плюшевого медведя, игрушечного, набитого поролоном бегемота. — Только явись у меня, я тебе устрою именины сердца». Она толком не представляла себе эти самые «именины» — возбужденная фантазия рисовала что-то громкое, апокалиптическое, с криками «караул», звоном пощечин и битьем об пол посуды. Как вдруг полет фантазии прервал тихонький, аккуратный такой звоночек в дверь — динь-дон.

Катя фурией-мстительницей полетела по темному коридору. Щеки ее пылали. На глаза попался японский зонт Драгоценного, сиротливо висящий на вешалке. Ручка у него была что надо, увесистая. Она схватила его

как боевую палицу, распахнула дверь — на лестничной клетке тоже было темно — и с размаха шлепнула зонтом по просунувшейся в дверь беспутной голове.

— Ой, мама родная, это кто меня? За что?

Голос был не Драгоценного, но очень знакомый. Катя щелкнула выключателем — на пороге в авангарде стоял маленький Сергей Мещерский, обеими руками он держался за ушибленную голову. Позади него, в арьергарде, маячила крупная фигура, подпиравшая могутным плечом стену, — муж, драгоценный муж, Вадим Кравченко.

— А вот и мы, — оповестил он.

— Вижу. Хороши. — Катя покрепче ухватила зонт.

— Это мы, Катюша. — Мещерский, несмотря на ушиб головы, преданно, виновато смотрел на Катю. — А за что ты меня, а? Мы ведь с Вадиком ни в чем... это... мы с ним ни вот на столечко. — Он показал на пальцах и сбился, запутался.

— Хороши, хороши гуси, — прошипела Катя. — На кого вы оба похожи?

— На кого? — удивился Мещерский, сделал шаг и едва не упал.

— Жена, — громко сказал Кравченко, делая широкий жест. — Это самое... потом. Мы вот с Серегой, видишь?

— Я не слепая.

— Мы в сауне были. Парились. Потом у нас колесо спустило. Авария, понимаешь? Абермахт. Задержались.

— В сауне абермахт? — Катя попыталась захлопнуть у них перед носом дверь.

— Ш-ш-ш, тихо у меня. — Кравченко приподнял Мещерского и, как куколку-таран, двинул его вперед, тесня Катю. Силы были, естественно, не равны. Так они и просочились в квартиру.

— Ой, хорошо. Тепло. — Мещерский, которого снова поставили на ноги, казалось, был всем доволен, лепетал, отчего-то окая по-волжски. — Катюша, ты не сердись. Не сердись, а?

— Ты-то что тут делаешь? Ты ведь должен сегодня улетать.

— Я? Куда?

— На кудыкину гору!

— Катька, не волнуй мне кореша. — Кравченко попытался приобнять жену. Катя вырвалась.

— Обиделась. — Мещерский вздохнул. — На нас, Вадик, обиделась.

— На нас? А что мы сделали плохого? — Кравченко развел руками. — Эй, там... ну ладно тебе... полундра, а? Эй, на камбузе, ты нам кофе сваргань.

— Обойдетесь. — Катя ушла в комнату и захлопнула дверь. Разделась, нырнула в постель. Третий час ночи!

В кухне громыхали посудой. Кто-то ворчал, как медведь. Но тревога как-то вдруг растаяла сама собой. На душе отлегло. И злое-презлое сердце потихоньку смягчилось. «Дураки, какие же дураки оба», — уже почти сочувственно подумала Катя. И ощутила запах кофе. И уснула.

Пробудилась она, когда за окном было еще темно — в ноябре светает поздно. Встала и тихо прошла на кухню. Узрела эпическую картину: разоренный стол, давно остывшую кофеварку и два храпящих тела. Большое — Драгоценного, сложенное вчетверо на угловом кухонном диванчике, как на прокрустовом ложе. И маленькое — Мещерского, улиткой скрючившееся в принесенном из прихожей кресле. В головах Драгоценного была диванная подушка. Мещерский спал на том самом игрушечном поролоновом бегемоте.

Можно было бы, конечно, поступить благородно — простить их. Разбудить, растолкать, сунуть в руки чистые полотенца, отправить в душ, наградить с похмелья, с бо-дуна, такими специальными зелеными таблеточками из супермаркета, напоить кофе, накормить оладушками с клубничным джемом. Но все в душе Кати противилось такому всепрощению и малодушию. «Еще чего, — подумала она. — А то потом совсем на шею сядут. Подумают, что так и должно быть. В таких случаях надо сразу давать понять, кто в доме главный!»

Она быстро оделась и выскользнула из квартиры. Половина девятого. Отпуск. Куда податься с планами мести? Неужели канدهать на работу в пресс-центр ГУВД Московской области, где она, Катя, Екатерина Сергеевна Петровская-Кравченко, капитан милиции, трудилась на ниве криминальной хроники в качестве бессменного обозревателя? Но, находясь в отпуске, ехать на работу — это просто... да это даже приличным словом назвать-то нельзя! Тогда куда же податься в такой ранний час? Да так, чтобы еще и мечь осуществилась? Любимые магазины еще закрыты — рано. Кафе? А есть что-то поинтереснее кафешки?

И Катя решила отправиться спозаранку в салон красоты. В тот самый, в который она обычно ходила, — на Комсомольском проспекте, почти напротив хорошенькой такой, пряничного вида церквушки. Салон открывал свои сияющие гостеприимные двери с девяти. «Приведу себя в порядок по полной, — решила Катя. — Хоть целый день там сегодня проведу».

Время в таких райских местах, как SPA и салоны красоты, течет медленно, сладко. Катя для начала попросила для себя увлажняющую релаксирующую маску на лицо. Потом отдала себя массажистке — ее ловкие руки размяли все косточки, взбили тело, как тесто. Катя наслаждалась каждым мгновением — вот жизнь. Кто-то приветливый и умелый из сил выбивается, старается сделать тебя красивой, согнать прочь лишний жирок, поставить надежный заслон из фруктовых кислот вечному врагу — целлюлиту.

— Катя, хотите попробовать обертывание? — ласково спросила знакомая косметичка по имени Эльвира, слышавшая совершенно неземным существом — волшебницей, богиней.

— Хочу. — Катя плыла по медово-масляному морю SPA, источавшему аромат ванили и бергамота.

Сейчас она хотела всего и сразу — все равно ведь расплачиваться предстоит кредиткой Драгоценного. Вот и мечь! Да еще какая, золотая!

В тепле она согрелась и едва не задремала.

— С волосами будете что-то делать? — ангельски прозвучал над ухом глас косметологини-богини. — Между прочим, сегодня Иннокентий работает. Вы его постоянная клиентка. А у него с утра в записи окно.

Катя обрадовалась: Иннокентий! Мастер-стилист по стрижкам и укладкам. Стыдно было признаваться, но в самую первую их встречу в парикмахерском кресле Катя отнеслась к нему с великим недоверием. Совсем мальчишка, на вид вчерашний школьник — что такой может понимать в женщинах, в женской привлекательности, и в прическах в частности? Стоек был еще стереотип: парикмахерша — это обязательно она. А он — это нечто подозрительное в голубых тонах. В ту их первую встречу Катя придиралась к каждой мелочи, капризничала. Паренек Иннокентий вздыхал, кротко парировал каждый ее булавочный укол и порхал над Катей, как мотылек. Но когда она взглянула на себя в зеркало, то в мгновение ока и следа не осталось от ее прежних сомнений, а с губ сорвалось восклицание: «Класс!»

С тех пор она ходила исключительно к Иннокентию. Он был превосходный стилист, колорист, парикмахер — в общем, спец по волосам с большой буквы. Он был единственным мужчиной в салоне и совершенно этим не тяготился. Напротив, было видно, что именно женское царство для него — родная страна.

Каково же было отчаяние Кати и всех остальных постоянных клиенток, когда по салону пронесся слух, что Иннокентия забирают в армию. Это было то же самое, что жарить на сковороде соловья. Представить себе милейшего, обходительнейшего Кешу-Иннокентия в казарме среди ражих дембелей было просто страшно. Все пребывали в отчаянии. Но, к счастью, угроза миновала. Иннокентий снова порхал по салону — стриг и причесывал, колдовал, экспериментировал.

После SPA Катя попала к нему.

— Добрый день, что делаем на этот раз?

— Иннокентий, как обычно, только чуть короче, кажется, кончики секутся.

— Уберем. А цвет? — Иннокентий улыбался.

— Цвет, — чувствуя свою глупейшую счастливейшую улыбку, Катя смотрела на себя в зеркало. И так вообще-то неплохо, но ведь это месть, месть. — Я даже не знаю. Но надо поменять.

— Осень — пора теплых тонов. — Иннокентий склонил голову набок, примеривая, оценивая. — Вот взгляните.

Они склонились над альбомом красок. Теплые тона... Катя подумала, во сколько обойдется стрижка, укладка и окраска, мысленно приплюсовала к уже и без того раздутому счету. А платить придется кредиткой Драгоценного — ах, какая тонкая месть. Ах, какое лицо у него будет, когда он увидит, прочувствует!

— Вот этот тон. — Она выбрала цвет.

— Отлично. — Иннокентий укрыл Катю до подбородка алым фирменным чехлом. Его бледненькое личико сияло профессиональным вдохновением. Он не накладывал краску, он творил, будто писал фреску. И такого художника хотели забрить в солдаты, словно средневекового рекрута!

— Чудесно, чудесно, — приговаривал он, прокрашивая кисточкой корни волос, подавая Кате то чашку кофе с лимоном, то последний номер журнала мод, чтобы не было скучно ждать.

В это время зазвонил Катин мобильный. Она дотянулась до сумки. Определитель оповестил: Драгоценный. «Проспались, наконец, гаврики», — подумала Катя. И ответила: «Алло».

Сопение в трубку. Тягостное молчание. Потом отбой. Раз — начала она отсчет. Когда краску смывали, совершенно некстати раздался новый звонок. Она не взяла телефон. Он зазвонил снова — настырно, страстно. И снова — молчание, многозначительный вздох. Отбой. «Два, —

продолжала считать Катя. — Нет, это уже будет три». Семейный мир восстанавливался туго. Отчего-то она решила, что доведет счет до пяти. Тут пришла эсэмэска — не очень понятная: «У меня сердце болит или душа?» Катя понятия не имела, что там болит у Драгоценного и его дружка. Иннокентий кружил над ее мокрой головой, жужжал, взмахивал расческой, шелкал ножницами.

Телефон зазвонил снова. Опять Драгоценный. «Это будет четыре, про душу не в счет», — решила Катя. Но отвечать опять-таки не стала — выяснять отношения, когда у вашего уха щелкают ножницами, неприлично и небезопасно. Телефон буквально взорвался новым звонком. Высветился какой-то другой номер. Катя решила, что это все равно муженек, но уже конспиративно с телефона Мещерского (она как-то даже не сообразила, что номер-то не тот).

— Ну? Что надо? — Катя старалась, чтобы ее не заглашал фен.

Треск, тишина.

— Долго будем молчать? Вообще, как не стыдно быть таким подлым, бессовестным негодяем?

— Это я — бессовестный негодяй?

Катя вздрогнула: а это не муж. Это совсем другой человек звонит.

— Ой, Никита... ты?

— Я. Почему это я негодяй?

Начальника отдела убийств Никиту Колосова (а это был именно он) Катя видела примерно дней семнадцать назад, когда радостно сообщила ему (дело было в коридоре главка), что уходит в отпуск (наконец-то!) и улетает с мужем в Сочи.

— В Сочи в ноябре? — мрачно хмыкнул Колосов. — Это он тебе идею подал?

За все годы знакомства Колосов (кстати, старый приятель Мещерского) ни единого раза не назвал Катиного мужа (с которым наотрез отказывался знакомиться) по имени — только словом «он».

Сочи в ноябре были идеей Кати. Но Колосову она в этом не призналась. Расстались они сухо. Правда, все это: их разговор, прощальное «ну пока, Никита» — Катя скоро выбросила из головы. Звонков в отпуске она не ждала, тем более от начальника «убойного» отдела. И вдруг...

— Никита, прости, я ошиблась. Тут кто-то все время тоже ошибается. — Катя придумывала на ходу. — Я сейчас дико занята. Ты как? Нормально? Я тебе потом позвоню, ладно? Как-нибудь потом.

— Катя, я тебя должен срочно видеть.

«Ба, — подумала Катя. — Этого еще не хватало. И день сегодня будний, и утро на дворе, и он вроде трезвый... Впрочем, у них там по голосу не поймешь».

— Никита, я не могу, я занята. Если хочешь, мы увидимся потом... как-нибудь... в кафе или...

— Да какое, к черту, кафе! — рявкнул Колосов. — Дело срочное, не терпящее отлагательств. Ты должна приехать сейчас. И вот еще что: разыщи срочно эту свою подругу Нину... как ее... ну, подружка у тебя — доктор, врач. Черненькая такая, вы с ней в Май-Горе на даче вместе были. Она нам тоже срочно нужна.

— Кому это вам?

— Мне, — отрезал Колосов. — Все, приезжай, жду в управлении.

Катя ошарашенно смотрела на телефон.

— Что у нас случилось? — спросил Иннокентий, делая последний штрих укладки.

— Ему зачем-то потребовалась Нинка, — пробормотала Катя.

— Кому? — Иннокентий олицетворял легкомыслие и шарм.

У Кати едва не сорвалось с языка: человеку, еще восемнадцать дней назад казавшемуся тайно в меня влюбленным. Она глянула на себя в зеркало: оттуда ответила взглядом незнакомка — плод вдохновения парикмахера-стилиста, мага и чародея. «Ах, вот вы какие все, — вспыхнула Катя. — И этот туда же. Ну, я вам всем покажу».

«ШКОДА» В КЮВЕТЕ

Для начальника отдела убийств московского областного ГУВД майора милиции Никиты Колосова вся эта история началась намного раньше. Звонок Кате был следствием целой цепи событий, начало которым положила та ночь на Кукушкинском шоссе. 10 ноября — День милиции, единственный праздник, который Никита Колосов отмечал наряду с Новым годом и Днем Победы, — начался как самые обычные рабочие будни, но продолжился несколько лучше: после обеда Колосов махнул в тир, потренировался в стрельбе, позанимался в спортзале на силовых тренажерах, поплавал в бассейне.

Объявился старинный кореш Николай Свицерко, хлебосольно, лукаво начал соблазнять выпивоном, зазывая к себе в гости вечером. После развода он опять женился — на этот раз не на молоденькой свистушке-студентке, а на даме гораздо старше себя, деловой, хваткой, с квартирой и сыном-подростком.

Потом позвонила секретарша шефа Наташа и вкрадчиво сообщила, что у нее, мол, случайно оказалось два билета на праздничный концерт в министерстве. Пристальное внимание к своей персоне с ее стороны Колосов ощущал уже давно, билеты были явно предлогом познакомиться поближе. Но на концерты с попсой, даже посвященные Дню милиции, Колосов не ходил. А Наташа ему совсем не нравилась. Ну что тут поделаешь? Не нравилась. Поэтому, закупив по пути в супермаркете все, что надо к праздничному столу, он двинул в гости к другу Коле Свицерко любоваться на его новое семейное гнездо.

К одиннадцати вечера они с другом были уже хороши. Колосов, щурясь от сигаретного дыма, взял гитару. Жена Свицерко сидела напротив, слушала, вздыхала. Женщина она была симпатичная, сдобная.

— Голос у вас, Никита, неважный. Курите все небось, вон как мой. — Она как пацана потрепала Николая по стриженому затылку. — А поете ничего, с душой. Ну-ка давайте еще про клен ты мой опавший. Или из Высоцкого чего-нибудь.

На певческой ноте и застал Колосова срочный вызов дежурного по главку. Ехать предстояло прилично — в район железнодорожной станции Редниково, на какое-то там Кукушкинское шоссе.

— Давай я с тобой, Никита, а? — предложил Свицерко.

Человек он был опытный, в оперативном поиске не собаку — слона, наверное, съел, и сейчас, спустя неделю после происшествия, Никита Колосов даже жалел, что отказался от его предложения тогда — решил не нарушать его отдых, его праздник, его силы, которые ей-ей потребовались бы другу Коляну, чтобы достойно закончить этот вечер и поднять свой мужской рейтинг в глазах новой жены.

Позже, спустя неделю, Колосову казалось, что, если бы Свицерко в ту ночь поехал вместе с ним, и увидел бы *все это* своими глазами, и помог бы своим опытом и советом, все было бы не так, как сейчас. И даже нынешнее присутствие Ануфриева — того, кто сидел сейчас за стеной в соседнем кабинете и без усталости названивал по телефонам, раздавая налево и направо ЦУ, можно было бы переносить с большей выдержкой и стойкостью.

На месте происшествия тогда ночью Ануфриева не было. Да и что бы он стал там делать? Нет, он появился позже, как только наверх просочилась информация о личности жертвы. Появился как бы из ниоткуда. Колосов, например, впервые встретился с ним в кабинете у шефа. Шеф — человек уже пожилой, много чего повидавший в жизни, — выглядел смущенным. Казалось, он тушевался перед этой серенькой, совершенно непрезентабельной с виду фигурой по фамилии Ануфриев.

В ту ночь, честно признаться, Никита ехал на место происшествия в этакое приподнятом, благодушном на-

строении. И досада, что вот, мол, де, вырвали его, как овощ с грядки, из-за стола, не грызла, не точила. Машина была новая, недавно купленная вместо разбитой всмятку черной «девятки», хоть и подержанная здорово, зато иномарка — «бээмвуха». Двигатель на ней был мощный, скорость дай боже, по ночной-то трассе. И в результате на сердце было тепло. Ну, убийство или чего там, ну сейчас разберемся на месте, сделаем свою работу. А завтра выходной. Между прочим, жена у Кольки — просто марципан, хоть и сорокалетка. Пошла провожать его в прихожую, сказала, дыша «Алазанской долиной»: «Ну и работа у вас. А то бы остались? Вон сколько всего на столе. А я еще пирог испекла — курник на четыре угла, как бабуля когда-то меня учила». Он ответил: «Не могу. Служба». Она засмеялась грустно, притянула пухлой рукой к себе Кольку Свидерко, чмокнула его звонко в щеку и сообщила: «А я вот настаиваю, чтобы он-то уходил от вас совсем. Ну ее к лешему, эту вашу милицию. Коммерцией вместе займемся, а то я все одна да одна».

По дороге в Редниково Колосов все пытался представить себе Коляна Свидерко в роли коммерсанта, мелкого или среднего там предпринимателя, торгующего пивом, обоями, стройматериалами, плиткой, автозапчастями, гвоздями, гайками. Картины выходили все какие-то мультяшные, потешные. Колосов улыбался: нет, дамочка хитрая, хоть вы и жена Кольки третья уж по счету, но вам крылья корешу моему не подрезать. Нет, это курицу-несушку по полету видно, а такого орла по...

Метафора не сочинилась. Колосов увидел посты оцепления — Кукушкинское шоссе в этот поздний час на время перекрыли в обе стороны, — милицейские машины с мигалками, «Скорую помощь». Он остановился, вылез, мысленно проверяя себя: сколько хмеля еще осталось, сколько выветрилось дорогой. И все вроде было, как всегда. Как обычно, на работе — даже чья-то трагическая безвременная смерть. Как вдруг...

Громкий вопль резанул уши. Колосов вздрогнул: где-то совсем рядом надсадно визжал ребенок.

— Успокойте вы его, ради бога, сестра!

— Я не могу. Он все время кричит. Я сделала ему укол успокоительного. Но он не действует.

Колосов увидел открытую дверь «Скорой» — внутри молоденькая сестра пыталась удержать на руках судорожно бьющееся в каком-то совершенно диком припадке маленькое детское тельце. Этот кричащий ребенок... Это было первое, что он увидел там, на месте. Казалось, детское горло просто не способно издавать такие звуки. И все же...

К Колосову подошли местные сотрудники розыска, начальник Редниковского ОВД. Многие были тоже спешно подняты по тревоге из-за праздничного стола. Среди них Колосов заметил высокого гаишника — тот был бледен, без фуражки.

— Ведь он второй час уже вот так воет, — говорил он одному из оперативников. — А сначала-то все смеялся. Смеялся — страшно было глядеть.

В голосе гаишника — Колосов позже узнал, что его фамилия Луков и что именно он первый сообщил в ОВД о происшествии на трассе, — было нечто такое, что заставило Колосова окончательно протрезветь.

Он оглянулся на «Скорую», оттуда по-прежнему доносился визг, наждаком царапающий нервы.

— Докладывайте ситуацию, — сказал Колосов начальнику ОВД.

Доклад был немного сбивчивым, но очень обстоятельным. Подозвали для объяснений инспектора ДПС Лукова, и он рассказал о том, как свет его карманного фонаря высветил из ночной темноты «этого вот мальчишку».

— Вы не представляете: он смеялся, все время смеялся, а сам весь кровью с ног до головы вымазан. — Голос Лукова дрогнул. — Я испугался, что он ранен, схватил его на руки, начал осматривать. Он цел-невредим, это не его кровь. Оставить я его не мог, доложил по рации в отдел, решил проверить трассу. Ведь откуда-то он взялся, не с неба же свалился! Пошел я вперед, самого

его несущим на руках и вон там, — он указал в темноту, скупо освещенную фарами патрульных машин, — там, за поворотом, увидел — точнее, едва не наткнулся на иномарку. Это была «Шкода Октавия». Обнаружил я ее примерно на расстоянии метров трехсот от места, где увидел на обочине дороги мальчика. Машина съехала в кювет и там застряла. Я подошел, заглянул через лобовое стекло в салон. За рулем сидела женщина. Она была мертва.

— Авария? — спросил Колосов тихо, уже зная, что услышит совсем другой ответ, иначе его, начальника «убойного» отдела, не вызвали бы сюда среди ночи в эту глухомань.

— Убийство, — ответил за Лукова начальник ОВД. — У женщины множественные раны. Смерть наступила, скорее всего, от острой кровопотери. Там уже работает наш судмедэксперт.

Даже после этой фразы, после ребенка в «Скорой» все еще вроде было, как на самом обычном рядовом месте убийства. Только вот этот жуткий визг, плач — детский совсем, какой-то просто нечеловеческий, ни на минуту не дававший сосредоточиться на главном — на деле.

— Этот мальчик, он что, сын погибшей? — спросил он.

— Пока ничего конкретного ни о нем, ни о ней установить не удалось. У ребенка, видимо, сильное нервное потрясение. Видите сами, в каком он ужасном состоянии. — Начальник ОВД хмурился. — Да и маленький он очень. От него мы пока ничего не узнали.

— Осмотр что-то даст. Идем, взглянем. — Колосов ускорил шаг и увидел в свете фар бежевую, сильно забрызганную грязью «Шкоду Октавию». Она действительно застряла в кювете. Съехала с дороги и буквально воткнулась в обочину фарами, капотом. Подошел инспектор ДПС Луков.

— Расскажите, что вы здесь обнаружили, — попросил его Колосов. — Фары, как и сейчас, не горели?

— Правая разбита, левая не горела. Аварийка тоже.

— Но на этих моделях вроде автомат.